

Алёна КУБАРЕВА

ВТОРУЮ НЕДЕЛЮ В БЛАГОДАТИ СТОЯЛИ НЕМЦЫ...

Рассказ

Вторую неделю в Благодати¹ стояли немцы. И вторую неделю Дарья сидела в насквозь промерзшем² погребе. Пряталась.

Ей было чего опасаться. Четверо сыновей — на фронте. Четверо богатырей. Трое коммунистов, один — комсомол...

Колька, Володька, Ляксей... И младший, Борис. Красавец. Первый гармонист. Как затянет колхозную кадраль:

Три-та-ти — дри-та,
Три-та-ти — дри-та! —

все девки в пляс. Пойдет играть ямочками на щеках — ни одна не устоит...

Дарья — из городских, из тульских. Родители умерли. Воспитали чужие. Пятнадцать минуло — отправили в деревню. Замуж. В городе бесприданницу никто не брал.

Дарья сначала никак не могла привыкнуть. Все из рук валилось — ничего не умела. Но главное — не рожала долго. Ей и кличку дали — Дашка-неродеха.

А потом, после двадцати — пошло, пошло!.. Одного за другим: Маньку, Кольку, Володьку, Ольгу, Ляксея, Бориса, Клавдю... Все выжили. Андрей — муж — бранился:

— Куда ж ты мне прорву?!!! Как кормить?!!

А то еще ревновал. Выпьет:

— Энти — мои, на меня похожи. А энтот, — кивает в сторону Бориса, — не знаю чей! Чернявый черт... Армяшка... Говори, от кого прижила! Не то!..

— Как это — Борис не твой?!! — закусывала губу от обиды. Молодая была, глупая — оправдывалась. А оправдываться — хуже нет.

— Ага-а! — заносил Андрей руку... Забывал, что цыган по отцу.

Но Дарья скоро стала отвечать. Тяжел кулачок оказался... Даром сама — два вершка.

...До войны Андрей не дожил. На фронт провожала одна. Всех четверых — в один день. Старшие попрыгали сразу в вагон. А Борис стоял перед ней на перроне, переми-

Алёна Борисовна Кубарева родилась в 1981 году в Москве. Окончила МГПУ, факультет психологии. Работала психологом в школе, корреспондентом новостей (телеканалы «Столица», «Москва-24»), редактором программы «Афиша» (телеканал «Столица»), выпускающим редактором программы «Наше время» (телеканал «Совершенно секретно»). В 2016–2018 годах обучалась на ВЛК Литературного института им. Горького (семинар М. М. Попова). В 2019-м окончила Курсы литмастерства там же (семинар прозы, руководитель — А. Ю. Сегень). Живет в Москве.

¹ Благодать — деревня в Южном Подмосковье, Серебряно-Прудский район.

² Начало действия — 4 декабря 1941 года; тогда резко похолодало — до —30 градусов.

нался с ноги на ногу. То краснел, то бледнел. Усы не отросли... Восемнадцать только... Дарья больше всех его оплакивала — еще живого.

... — Мама-ань!

Это Манька. Поеть принесла. Одна Манька в погреб и ходит. Одна не боится.

Дарья мгновенно вскипятилась — приготовилась ругать. Другие-то дочери отмахнутся, а то и матюгнутся в ответ. Манька — кисель, тихоня. Терпит. Таковую грызть — одно удовольствие. За все. За войну. За холод. За сыновей...

Дарья и жалела ее. Маньке — двадцать седьмой. И так-то охотников мало, а еще — война... И все ж не могла злобно не шикнуть:

— Ах, паралик ты расшиби! Чего орешь-то! Немцы ж кругом! Еще услышат!..

Смягчилась:

— Весточки нет?

— От кого, мамань? — Манька уж спустилась. Аккуратно идет. Уточкой. Пол земляной — скользкий, а она крынку несет — молока матери достала. Боится пролить.

— Дура ты стоеросовая! Руки-ноги отрастила — голове не дала... От Бориса! Хм-м...

Поперхнулась. Стыдно одного младшего любить.

— От Кольки, Володьки. От всех!

— Не-е, — Манька горестно вздохнула, поставила крынку на колченогий табурет. Сама села на перквырнутое ведро.

Дарья взяла крынку, отхлебнула. Вку-у-сно!.. Все, все до капли выпила.

— Стреляли седни?

— Стреляли.

— Далеко ль?

— Далеко пока, — Манька, потупившись, ковыряла передник. — Оттель, — махнула в сторону Каширы.

— А кто стрелял-то?

— Почем я знаю! — Манька смутилась, покраснела. Будто одна и виновата, что никак свои Благодать не отобьют.

Летом, как враги к Москве пошли, Маньку с другими девками отправили рыть противотанковые под Дорогобужем. Говорят, бомбили... Манька вернулась. Одна из многих... Угрюмая. Ничего не рассказала.

— Меня-то ищут? — прошептала Дарья.

— Ищут, — Манька снова занялась передником. — Комиссар ихний старшой все ходит, спрашивает. «Во ист, — говорит, — Ташка? Ди муттер дер коммунистен? Вер загт — бекомт ди шоколаде тафель!» Жамки, значит, за ты предлагает.

— Во память! — удивилась Дарья. — Над-был ты тоже учиться отдать, а то — только трехлетка... А имя-то кто сказал?

— Не знаю.

Помолчали.

— А что наши? Показывают? — нахмурилась Дарья.

— Показывают. Сгнула, мол. В болоте.

— Дурни! — невольно рассмеялась Дарья. — Где ж тут у нас болота?

Манька тоже улыбнулась, прикрыла рот ладошкой.

— Почем немцы знают — есть тут болота, нет? — озорно подмигнула.

— Ну, ты... Не регочи! — посерьезнела Дарья. — Еще сглазишь...

— Пойду я, — Манька спохватилась, схватила пустую крынку, метнулась к выходу.

— Да, — вернулась, опустила глаза. — Там, мамань... Клавдя на фронт собралась...

— Как это? — Дарья схватилась за сердце. — Девка ж!.. Куда?

— У Клавди немецкий — хорошо. Она энтим, — взглянула наверх, — переводила. «Не хочу, — говорит, — на фашистов работать. В разведку пойду...»

— Так поезда ж на фронт не... — оторопела Дарья.

— Она пешком.

Дарья — за голову. Про себя завывала. О-о-о! Война проклятая! Четырех сыновей отдала — еще и дочь?! Так детей не напасешься!

Манькин тулупчик мелькнул у выхода. Высунулась, огляделась. Шасть! И только дверь закрылась — сдавленный визг.

Похолодела Дарья. «Видать...» Не додумала. В погреб ворвались трое. В серой мышастой форме.

«Конец. Эх, Манька!..»

— Ты есть Ташка?

Дарья встала, огладила юбку. Посмотрела прямо в белесые ненавистные глаза.

— Я есть.

Короткий удар в переносицу. Дарья охнула, повалилась.

Спустя два дня немцы бежали. Побросали всё: танки, оружие, боеприпасы. Даже скотину. Она теперь — одуревшая, тощая — одиноко и голодно кричала на все голоса.

В овраге — трупы.

...Немцы никого не подпускали. Манька уж издергалась, изрыдалась — все юлила, вывихливала перед охраной:

— Дайте маманьку схоронить! Битте...

Немцы смеялись, попыхивали «Экштайном».

Один раз Манька уж почти подползла. Протянула руку...

— Halt! Zurück!³

Дуло автомата. Круглое, ровное. Равнодушно-черное. Смерть.

...Их собрали в одном сарае. Человек двадцать. Из Мягкого, Дудина, Благодати. Кто чем провинился. Кто козу не отдал, кто хлеб прятал. Кто дочь защищал...

Сутки держали без воды. О еде — нечего и думать.

Все бабы. Все молчат. Один только мужичонка. Колготился — вскакивал, подбегал к двери, прикладывал к прорехам губы, шептал: «Братцы!» Как молился... Потом — обратно. Руки потные об колени тер. Вращал глазами, а то суживал до змеиных щелей. «Тэ-тэ-тэ-тэ-э!» — пел ли, захлебывался?

«Убогой», — думала Дарья.

— Энтот сдал когой-то, — сквозь зубы процедила Ганька Калгушкина. Дарья ее знала — дальняя родственница по мужу. — Вот и места не находит.

С улицы доносилась песня:

Ja, wir sehen uns in Berlin,
Nach Berlin geht unsere Reise!⁴

Дарья — ни слова по-немецки. Но догадалась, почуяла: гибель себе поют.

«Так вам, окаянные! Войте, кликайте беду! Вернется!»

...На рассвете открыли дверь:

— Nacheinander raus!⁵

Никто не сдвинулся с места.

— Komm schon, schnell! Kommt raus!⁶

³ «Стой! Назад!» (нем.).

⁴ «Да, увидимся в Берлине! Да, в Берлин лежит наш путь!» (перевод с нем. автора).

⁵ «Выходить по одному!» (нем.).

⁶ «А ну, живо! Выходите!» (нем.).

Дарья поднялась первой. За ней гуськом — остальные. Прошли несколько шагов. Сзади послышались крики. Дарья невольно оглянулась.

Мужичонка никак не хотел выходить. Плевался, вырывался. Вопил:

— Братцы, братцы!

Немцы его — прикладами по голове. Потом подхватили — поволокли.

Шли молча. Дарья смотрела под ноги.

— Даш!.. — Ганька догнала, хоть конвойный и вскинулся: «Halt!» Отмахнулась.

— Помнишь, как Андрея хоронили?

Дарья помнила. Был июль. Жарило-парило всю неделю, пока лежал. А как помер — дождь полил. Сильный! Всю дорогу до кладбища развезло. Чернозем жирный, липкий. Так и хватал за ноги. Будто не хотел пускать. Тонула в грязи...

Дарья взглянула вокруг. Морозное солнце поднялось. Снег розово-желто-голубой. А то — темно-синий, как глаза Андрея, когда молодой был...

Избы кончились. «К лоску идем, — догадалась. Лоск — напротив кладбища. — Вот и Андрей посмотрит...»

Поставили в ряд, спиной к обрыву. Десять убийц.

— Achtung!

Дарья нахмурила лоб. Что-то соображала. Вдруг глаза — к небу.

Господи Боже!.. Всех люблю! Главное — никого не забыть!

Колька, Володька, Ляксей...

— Feuer!

Борис...